

И. В. Омелянчук

Монархические организации Владимирской губернии в период Первой мировой войны

В последние десятилетия монархические союзы и организации довольно часто попадали в поле зрения исследователей. Не был обойден вниманием и вопрос об их деятельности в период Первой мировой войны. В частности, разделы, посвященные этой проблеме, имеются в фундаментальных трудах С. А. Степанова¹ и Ю. И. Кирьянова² по истории монархического движения. Первой же (и пока единственной) монографической работой, предметом исследования которой являются правые организации в 1914–1917 гг. в целом, стала диссертация О. А. Тарасова³. Гораздо больше трудов посвящено отдельным аспектам деятельности российских консерваторов в годы Первой мировой войны. Так, изменение численности и социальный состав монархических партий в этот период исследовал Ю. И. Кирьянов⁴. А. А. Иванову принадлежит целый ряд трудов о деятельности правых в годы Первой мировой войны в стенах российского парламента⁵, а также обзорный раздел в коллективной монографии о монархических организациях этого периода⁶. Отношение консерваторов к началу войны и их взгляды на роль и место парламента в российской политической системе в 1914–1917 гг. исследовал М. Н. Лукьянов⁷. Несколько работ, посвященных различным сторонам деятельности правых в годы Первой мировой войны, принадлежит Д. М. Стогову⁸. На региональном уровне проблему

Омелянчук Игорь Владимирович
д-р ист. наук, проф.,
Владимирский
государственный
университет
(Владимир, Россия)

рассматривал целый ряд отечественных исследователей⁹, но деятельность монархических организаций Владимирской губернии в 1914–1917 гг. слегка затронута только в диссертации К. С. Рубанкова¹⁰. Однако ее автор сосредоточил внимание на изучении довоенного периода функционирования правых партий и лишь указал причины их краха в феврале 1917 г., поэтому считать данную научную проблему разрешенной пока нет оснований.

На территории Владимирской губернии в 1905–1914 гг. действовали 30 местных организаций Союза русского народа (далее — СРН), включая вошедшие в него на правах отделов (но с сохранением своих названий и уставов) Шуйский союз русских православных людей (далее — ШСРПЛ) и Иваново-Вознесенскую самодержавно-монархическую партию (далее — ИВСМП), также имевшие дочерние организации¹¹. В лучшие времена, а они для губернских правых пришлись на осень 1907 г., их численность превышала 20 тыс. чел.¹² Однако после окончания Первой русской революции активисты монархических организаций, посчитав свою миссию выполненной, начали покидать их ряды. Еще одной причиной сокращения численности правых стали внутренние раздоры в СРН, расколовшемся на Всероссийский дубровинский союз русского народа (далее — ВДСРН), созданный приверженцами отстраненного председателя Главного совета СРН А. И. Дубровина, и СРН-обновленческий (или «марковский»), объединявший сторонников нового лидера партии Н. Е. Маркова-второго. В этом конфликте практически все монархические организации губернии, за исключением Владимирского губернского отдела СРН, поддержали «дубровинцев». В результате весной 1913 г. возник параллельный Владимирский губернский отдел ВДСРН¹³.

Накануне Первой мировой войны большинство провинциальных монархистов были весьма далеки от вопросов внешней политики, их гораздо больше волновали местные проблемы. Даже в начале июля 1914 г. члены ИВСМП на предстоящее совместное с Свято-Ольгинским обществом трезвости собрание намеревались вынести лишь «вопрос о возбуждении ходатайства о закрытии в городе всех казенных лавок и пивных», а также предполагали «возбудить ходатайство о запрещении торговли в ресторанах по предпраздничным и праздничным дням»¹⁴. Однако нарастание международной напряженности внесло свои коррективы — в повестку дня собрания, назначенного на 19 июля, наряду с «текущими делами», уже входил и «доклад председательствующего о сложившихся политических событиях между Австро-Венгрией и королевством Сербией»¹⁵. А 20 июля в Иваново-Вознесенске состоялась многочисленная патриотическая манифестация¹⁶, в которой монархисты приняли самое активное участие.

Во Владимире первая патриотическая манифестация «в связи с австро-сербской войной и объявлением мобилизации» прошла 18 июля. «В 8 часов небольшая группа молодежи с национальными флагами и пением национального гимна пошла от летнего помещения городского клуба по направлению к дому г. губернатора. По пути число манифестантов увеличивалось. Г. губернатор вышел к манифестантам. Здесь они получили портрет Государя Императора и двинулись обратно по Большой улице»¹⁷. На следующий день шествие повторилось. В Шуе 23 июля «на площади против здания городского управ-

ления было совершено молебствие граждан гор. Шуи и союзников (членов монархических союзов, — И. О.), после чего последние, «собравшись в доме председателя [ШСРПЛ] М. К. Петрова, постановили послать верноподданную телеграмму» самодержцу по случаю начала военных действий¹⁸.

В Орехово-Зуеве грандиозные манифестации проходили ежедневно с первого дня мобилизации. Сообщалось об аналогичных проявлениях патриотизма в селе Успенский погост Вязниковского уезда¹⁹, в Костерева²⁰, Коврове, на Собинской мануфактуре, в селе Эдемском Ковровского уезда и в других местах²¹. Однако вскоре регулярные уличные шествия, явно не добавлявшие порядка и спокойствия в городе, уже вызывали недовольство властей. Во всяком случае, 30 июля «Старый Владимирец» сообщил о распоряжении Владимирского губернатора, «воспреещающем всякие манифестации в городе»²².

Начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем буквально пробудили монархические организации от летаргического сна, в котором они пребывали предыдущие два-три года. К активной политической деятельности вернулись не только ранее отошедшие от дел лидеры, в частности А. И. Дубровин, А. И. Соболевский, А. И. Вязигин, но и многие рядовые монархисты. В полной мере эта тенденция проявилась и во Владимирской губернии. Так, отдел ШСРПЛ в с. Поддыбье Суздальского уезда в конце декабря 1913 г. насчитывал 45 членов²³, а на собрании, проведенном вскоре после начала войны, присутствовало уже более 400 чел., заполнивших все помещение народной школы²⁴.

Динамика численности ШСРПЛ вполне репрезентативна. В октябре 1907 г., в период наибольшего размаха черносотенного движения, ШСРПЛ насчитывал 1000 членов (правда, местный исправник утверждал, что «это по бумаге», а действительный состав Союза «очень невелик — несколько десятков» человек)²⁵. К концу 1913 г. в рядах ШСРПЛ, по сведениям его руководства, побывали 1264 чел., из которых 29 умерли, 21 исключен и двое объявлены «несостоятельными». Однако официальный списочный состав Союза на декабрь 1913 г. насчитывал всего 315 членов, из которых только 95 чел. числились собственно в головной организации, остальные состояли в пяти сельских отделах ШСРПЛ или были иногородними²⁶. Столь значительное уменьшение численности Союза к концу 1913 г. объясняется, вероятно, тем, что «исчезнувшие» из партийных списков 897 чел., не видя смысла в политической деятельности после окончания революционной смуты 1905–1907 гг., просто не изъявили желания возобновить свое членство в Союзе после обновления его устава в 1912 г.²⁷ В декабре 1914 г. руководство ШСРПЛ констатировало, что, несмотря на исключение еще трех человек, «оказавшихся вредными для деятельности Союза», общее количество членов партии «несколько возросло», достигнув 1278²⁸. Даже если предположить, что в это число включены все побывавшие в рядах ШСРПЛ за предыдущие годы (за вычетом 55 умерших, исключенных и «несостоятельных», о которых говорилось выше), то и в этом случае число союзников за 1914 г. увеличилось на 69 чел. Если же допустить, что далеко не все бывшие союзники с началом войны вернулись к активной политической деятельности и официально возобновили членство в ШСРПЛ (это очевидно хотя

бы потому, что часть из них была призвана в действующую армию), то количество вновь поступивших в Союз после начала войны еще более увеличивается. Такой активности правых не наблюдалось со времен революции 1905–1907 гг.

После начала войны монархисты сразу же заявили о своей готовности встать в ряды защитников Отечества. Так, на упомянутом выше собрании Поддыбьевского отдела ШСРПЛ его председатель С. Ф. Егоров по окончании молебна «о ниспослании победы русскому оружию», выступил с речью, в которой напомнил, «как Козьма Минин Сухорук говорил: “Оставим жен и детей и пойдем на защиту Отечества спасать Россию и Православную веру”», и предложил призвать в действующую армию «всех стражников и полицию из городов и молодых союзников»; старые же союзники («свыше 50 лет») должны были «занять их должности»²⁹.

Не попавшие в первую волну мобилизации члены правых партий занялись оказанием помощи семьям призванных в действующую армию. Вот как об этом писали монархисты из с. Ворша Владимирского уезда: «Те, кому выпал Святой жребий стать в ряды доблестного нашего воинства, тот стал с бестрепетной душой, напутствуемый благословением своих братьев, а мы, которым до времени не суждено стать сейчас же в ряды защитников Отечества, занялись на местах по силе наших способностей и материальных средств деятельностью по призрению оставшихся семей, кормильцы которых взяты на войну, участвуя в волостных и церковных попечительствах, как своим трудом, а равно и материальными средствами, чем и уменьшали нужду и горе осиротелых семей»³⁰.

Монархисты, вслед за своими оппонентами из либерального лагеря, поддержали лозунг «священного единения» и, сосредоточив свои усилия на оказании помощи фронту, отказались от политической борьбы до полной победы над врагом (В. М. Пуришкевич и П. Н. Милюков, в течение семи лет демонстративно игнорировавшие друг друга, даже публично пожали руки³¹). Однако в самом правом лагере такого примирения не произошло — «обновленцы» и «дубровинцы» по-прежнему предпочитали действовать раздельно, хотя на местах к тому времени различия между ними в значительной мере стерлись.

20 сентября 1914 г. Главный совет обновленческого СРН заявил об открытии собственного лазарета на 30 коек и призвал все отделы «последовать сему примеру и открыть на местах по городам свои союзные лазареты для раненых». Тем же отделам, «которые будут не в силах устроить самостоятельные лазареты», предлагалось «усиленно собирать пожертвования и присылать таковые в Главный Совет для расширения нашего петроградского союзного лазарета»³². Владимирский губернский отдел обновленческого СРН, руководимый В. М. Карякиным, тут же откликнулся на это обращение и совместно с Дамским кружком, действовавшим при местном Дамском комитете Красного Креста, решил организовать лазарет, отдав для него часть помещений союзной школы³³. Уже 26 сентября газеты сообщили об освящении «госпиталя дамского кружка» на 20 коек и о переводе в него первых «больных» из земского госпиталя³⁴.

Через месяц в газетах был опубликован отчет о деятельности «лазарета Дамского кружка». В финансовом отношении дела обстояли более чем благополучно: приход составлял 1176 руб. (из них членские взносы — 805 руб., жерт-

вованья — 371 руб.), расход — 954 руб. 50 коп. Таким образом, в кассе имелась свободная сумма в 221 руб. 50 коп. Сообщалось, что за период с 25 сентября по 20 ноября 1914 г. «в лазарете находилось 62 чел., из коих 37 выписано. В настоящее время в лазарете находится 25 человек»³⁵. Всем излечившимся «было выдано белье, теплые фуфайки, чулки, шарфы и перчатки. Означенные вещи частью приобретены, большинство же поступило пожертвованиями от членов дамского кружка и дамского комитета при местном учреждении Красного Креста. Кроме того, от дамского комитета поступило при открытии лазарета все постельное и носильное белье, одеяла и халаты»³⁶.

Во второй половине 1915 г. поток пожертвований заметно уменьшился, и лазарет начал испытывать некоторые финансовые затруднения. По этой причине правление Дамского кружка, председателем которой была супруга Владимирского губернатора Мария Львовна Крейтон, в августе 1915 г. обратилось к начальнику губернии за разрешением провести лотерею-аллегри. Разрешение, разумеется, было получено³⁷. Проведенная в начале сентября лотерея существенно пополнила бюджет Дамского кружка, принесла 2012 руб. 82 коп., в то время как пожертвования его членов составили всего 22 руб.³⁸

Роль монархистов в обеспечении функционирования этого лечебного учреждения, по-видимому, свелась только к предоставлению для него помещения школы, так как упоминаний об их деятельности на этом поприще не встречается. Даже «беседу-чтение для раненых воинов о вреде вина и пьянства», состоявшую в лазарете 6 июля 1915 г. организовывали священник Г. Я. Жук и акцизный чиновник В. В. Филадельфин³⁹, никого отношения к правым партиям не имевшие.

Союзная школа также продолжила работу, правда ученикам пришлось потесниться, уступив часть здания раненым и медперсоналу. В конце марта 1916 г. В. М. Карякин обратился к губернатору «с ходатайством устроить Школьному комитету 21 августа... лотерею-аллегри в пользу начальной бесплатной школы местного отдела Союза Русского Народа». Со стороны начальника губернии возражений не последовало⁴⁰. Сведений о проведении лотереи найти не удалось. Однако школа Владимирского отдела СРН продолжала свою работу как минимум до лета 1916 г.

«Дубровинцы» решили не отставать от своих оппонентов из «обновленческого» Союза. 22 октября 1914 г., после вступления Турции в войну на стороне Центрального блока, председатель ВДСРН выступил с обращением к своим соратникам: «Ныне положение осложнилось: напал новый враг, “исконный угнетатель христианства и славян” — царство османов». А. И. Дубровин призвал союзников «удесятерить свои усилия и осуществить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно новым тяготам, которые выпали на долю... Родины». Он также предложил всем отделам ВДСРН следующее: «[Необходимо] немедленно учредить между собою сбор сумм и прислать их Главному Совету и вместе с тем сообщить ему, в каких постоянных взносах постановят они оказывать содействие по устройству Всероссийским Союзом русского народа какого-либо учреждения на пользу нашего доблестного, храброго и победоносного войска»⁴¹.

На призыв сразу же откликнулись члены Воршинского отдела ВДСРН, опубликовав в «Русском знамени» открытое письмо, в котором почти дословно повторялись тезисы А. А. Дубровина: «В настоящее время выступил против нашего Отечества новый враг в лице дряхлейшей Турции, давнишний враг и угнетатель. Призыв Главного Совета наиболее своевременен. Необходимо всем удешевить свои усилия и общими усилиями создать среди других полезных организаций, служащих царю и родине, какое-либо учреждение и от Всероссийского Дубровинского Союза русского народа. Правда, среди нас мало людей состоятельных, которые могли бы пожертвовать много, но с помощью Божьей и искренней верой в это святое начинание по призыву Главного Совета приложим все наши старания и осуществим мечту на благо нашего Христоролюбивого воинства, не пожалеем материальных средств, уменьшим свои потребности житейские и придем на помощь в этой новой деятельности»⁴². Малочисленный сельский отдел в Ворше (в благополучном для правых 1907 г. он насчитывал всего 16 членов⁴³) обязался перечислять Главному совету ежемесячно 25 руб. с ноября 1914 г.⁴⁴ (для сравнения: такую же сумму ежемесячно готов был выделять и Виленский губернский отдел ВДСРН⁴⁵). Дело в том, что Воршинские союзники еще в 1908 г. учредили Потребительское общество⁴⁶, действовавшее весьма успешно. Так, в 1912 г. его оборот превысил 25 тыс. руб., а годовая прибыль составила 580 руб. 11 коп., что до начала войны позволяло им не только тратить деньги на партийные нужды (13 руб. 61 коп. за 1912 г.), но и заниматься благотворительной деятельностью, перечисляя, например, по 5 руб. русской и балканской организациям Красного Креста и еще 5 руб. на хоругвь «в память 50-летия освобождения крестьян»⁴⁷. В годы войны Потребительское общество Воршинского отдела СРН продолжало работать. Последнее упоминание о его деятельности относится к марту 1916 г.⁴⁸

Остальные правые организации Владимирской губернии ограничились разовыми взносами. В конце сентября 1914 г. общим собранием Муромского отдела ВДСРН было «отчислено из сумм отдела т[ак] наз[ываемой] “Мининской копейки” (добровольные взносы членов монархических организаций. — *И. О.*) 50 рублей и собрано между собою 25 рублей на лазарет муромского мещанского общества для раненых воинов»⁴⁹. Шуйские монархисты в декабре 1914 г. на торжественном собрании, посвященном девятой годовщине ШСРПЛ, собрали 61 руб. и внесли их «в казначейство на имя Верховного Совета Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны для раненых воинов, семейств их, вдов и сирот»⁵⁰, за что получили благодарность от государя⁵¹.

Орехово-Зуевский отдел СРН попытался наладить регулярный сбор средств во время проводимых им духовно-нравственных чтений. Так 6 августа 1914 г. было собрано и передано Красному Кресту 7 руб. 4 коп.⁵² На чтениях, состоявшихся 24 ноября, присутствовало 900 чел. и было собрано 7 руб. 64 коп. В дальнейшем сборы снижались. 30 ноября присутствовало 965 чел., а собрано всего 4 руб. 34 коп., 7 декабря присутствовало 1000 чел., собрано 3 руб. 84 коп., 21 декабря количество присутствующих сократилось более чем

вдвое — до 400 чел., однако сумма сборов осталась практически прежней — 3 руб. 80 коп.⁵³ В 1915 г. чтения, судя по всему, прекратились.

Сбором средств в пользу раненых занималась и единственная оставшаяся в губернии правая газета «Ивановский листок». Однако лишь однажды она привела конкретные цифры — 2 руб. 50 коп. было пожертвовано от железнодорожных мастерских при станции Иваново⁵⁴, где с 1907 г. имелась организация СРН⁵⁵. Кроме денежных пожертвований, газета призывала читателей приносить теплые вещи, «простой табак» и «простую цыгарочную бумагу» для нужд армии⁵⁶. Это обращение не осталось без ответа — спустя два дня редакция сообщала: «С 9 час. утра и до 4 час. вечера нам доставлено табаку, курительной бумаги, спичек и других предметов 12 целых ящиков с табаком (один ящик с чаем, сахаром, курительной и почтовой бумагой, конвертами и мылом для белья) и 76 свертков с табаком, бумагой и спичками. Все эти пожертвования вчера же сданы унтер-офицеру Колчину для немедленной отправки в Варшавский полк (184-й Варшавский полк с 1910 г. дислоцировался в Шуе. — *И. О.*), находящийся в передовой линии действующей армии для раздачи солдатам»⁵⁷.

Осенью 1914 г., отвечая на обращение А. И. Дубровина (он призывал содействовать устройству «какого-либо учреждения на пользу нашего... победоносного войска»), председатель Владимирского губернского отдела ВДСРН «отрубник» Д. А. Чернов обратился к начальнику губернии «с просьбой разрешить организовать из хуторян и отрубников комитеты помощи воинам и их семьям». 19 октября состоялось «собрание хуторян и отрубников», постановившее «организовать при губернской комиссии губернский комитет, в уездах уездные и поместные комитеты и трудовые попечительства для оказания помощи трудом по уборке полей и покоса, и денежной помощи из сумм, для этой цели добровольного обложения, по 2 копейки с десятины ежемесячно». Уже к маю 1915 г., как сообщал сам Д. А. Чернов, «благодаря содействию губернатора и умелому руководству делом организации неперменного члена губернской землеустроительной комиссии» П. Бурмейстера, в губернии насчитывалось «около 100 попечительств, которые уже начали трудовую помощь семьям воинов», а из собранной суммы в 1000 руб. губернский комитет выделил средства «на покупку семян и раненым воинам»⁵⁸.

В феврале 1916 г. Д. А. Чернов выступил с еще одной инициативой — учредить общество для постройки приюта для сирот павших и увечных воинов. «Русское знамя» сообщало: «Граждане гор[ода] Владимира и крестьяне окрестных селений отнеслись к этому доброду делу, а в данное время и неотложному, очень и очень сердечно... особенную заботливость оказали высокопреосвященнейший Алексий [А. Я. Дородницын] Арх[иепископ] Владимирский и Суздальский, г[осподин] губернатор [В. Н. Крейтон], неперменный член губернской землеустроительной комиссии П. Бурмейстер, помощник гор[одского] архитектора Ф. М. Власов и Василий Влад. Власов». Автор заметки утверждал: «Благодаря дружному началу учредителей, дело идет очень успешно», и обращал внимание читателей на то, что стараниями Д. А. Чернова «во Владимирской губернии создается вторая крупная общественная организация, к которой дружно примыкают все слои общества»⁵⁹.

Однако торжественное открытие «общества для постройки земледельческих приютов во Владимирской губернии» (не самих приютов) состоялось лишь 6 мая 1916 г. В покоях архиепископа Алексия, где проходило торжество, «собрался весь аристократический и деловой Владимир с начальником губернии во главе». Один из гостей, В. В. Власов, с гордостью сообщил, что «на призыв монарха помочь сиротам воинов первым отозвался крестьянин Владимирского уезда Слободской волости ст[анции] Архангелы (правильно: деревня Архангелка⁶⁰. — И. О.) Дмитрий Антонович Чернов». Почетными членами общества были избраны губернатор и архиепископ⁶¹. Спустя несколько дней Д. А. Чернов был «высочайше награжден знаком отличия по сельскому хозяйству»⁶². Вероятно, более значительную роль в этом сыграла общественная активность награжденного, а не его успехи в сельском хозяйстве. Однако построить хотя бы один приют Д. А. Чернову так и не удалось. К тому времени руководимый Д. А. Черновым отдел ВДСРН уже не функционировал⁶³, и общественная активность его председателя имела внепартийный характер.

Правые полностью поддержали сухой закон, введенный властями на время мобилизации и продленный затем до окончания военных действий. Корреспондент «Русского знамени» из Иваново-Вознесенска с удовлетворением констатировал, что прекращение торговли спиртными напитками стало прямо-таки «благодетельным для рабочих». Местные фабриканты свидетельствовали, что «производительность труда отрезвевших рабочих повысилась не менее как на 30 %», следствием чего стал заметный рост их уровня жизни. «Несмотря на уменьшение заработков вследствие сокращения производства и вздорожания жизни, среди местных рабочих замечается явно растущее благосостояние. На столе рабочих теперь уже нередкое явление мясо, молоко и “конфетки” к чаю... Торговцы готовым платьем прямо утверждают, что за три-четыре трезвых месяца торговля у них идет прямо хорошо». Более того, несмотря на растущее потребление, у сберегательных касс, как сообщала газета, «по субботам и понедельникам после “дачек”... стоят длинные хвосты вкладчиков, почти исключительно рабочих»⁶⁴.

Правда практически сразу же проявились и негативные последствия сухого закона. Уже 23 июля оппозиционный «Старый Владимирец» сообщал: «За невозможностью достать водки покупают в аптеках и аптекарских магазинах киндер-бальзам 1/2-фунтовыми и фунтовыми склянками»⁶⁵.

К началу 1915 г. уже и правые газеты признавали, что спиртные напитки «в большинстве случаев... заменяются суррогатами водки, вроде одеколона, киндер-бальзама, политуры и денатурированного спирта», и даже призывали отпуск политуры (спиртовой раствор смолистых веществ для полировки древесины) «производить в мастерские только с разрешения полиции. И описать запасы ее там, где они имеются»⁶⁶.

В годы войны правые продолжали рассылать различного рода верноподданнические телеграммы, демонстрируя «всемирную» поддержку монарха и наличие лояльного к власти сегмента общественного мнения. Правда, поводы для отправки этих посланий и их адресаты несколько изменились. Например,

общее собрание Муромского отдела ВДСРН, состоявшееся 19 октября 1914 г., отправило две телеграммы.

Первая телеграмма была адресована Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и содержала пожелание скорейшего достижения победы: «Муромский отдел Всероссийского Дубровинского Союза русского народа в общем собрании, 19 октября, принесся Господу Богу горячие молитвы о здравии Государя Императора, Царственной Семьи и Вашего Высочества, молит Бога, да подаст он Вам и доблестным войскам российским и союзным крепость и силу сломить и сокрушить дерзкого врага, оскверняющего храмы Божьи и человеческие. Враг причинил столь великое горе всему человечеству и вызвал море слез, да поможет Вам Господь Бог внести успокоение в сердца потерпевших и пострадавших народов»⁶⁷. Как видим, от былого германофильства правых не осталось и следа.

Поводом для второй телеграммы стало трагическое событие — смерть корнета лейб-гвардии гусарского полка, члена Российского императорского дома князя Олега Константиновича (сына великого князя Константина Константиновича) вследствие тяжелого ранения, полученного в лихой кавалерийской атаке 27 сентября 1914 г. близ деревни Пильвишки на территории современной Литвы⁶⁸. Монархисты выразили глубокое сочувствие удрученному горем отцу: «Муромский отдел Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, оплакивая утрату незабвенного князя Олега Константиновича, геройски погибшего в борьбе с врагами Царя и Отечества, в общем собрании 19 октября, вознес горячие молитвы Господу об упокоении души юного героя в Царствии небесном и о ниспослании родительскому сердцу сил к перенесению постигшего горя, — постановил выразить перед Вашим Высочеством свое глубокое соболезнование»⁶⁹.

Через несколько месяцев после начала войны бурная активность правых начинает уступать место апатии. Даже деятельность ИВСМП, некогда самой многочисленной правой организации губернии (по сведениям полиции, вероятно, несколько преувеличенным, осенью 1907 г. в ее составе насчитывалось 16 650 чел.⁷⁰), постепенно затихает. «Ивановский листок» всегда с готовностью освещавший различные мероприятия партии, после августа 1914 г. долго ничего не писал о ее деятельности. Лишь 18 января 1915 г. газета опубликовала анонс, в котором сообщала: «Сегодня в 6 1/2 час. вечера в помещении Окружного суда имеет быть организуемое самодержавно-монархической партией союза русского народа народное собрание, доступ в которое разрешается всем желающим». Наверное, организаторы опасались, что собрание может не состояться из-за отсутствия кворума, так как в конце было добавлено: «По имеющимся у нас сведениям, собрание обещает быть крайне интересным»⁷¹.

Спустя три дня «Ивановский листок» разместил отчет об этом «интересном» собрании, состоявшемся, правда, в помещении Городской управы, а не Окружного суда. Его «центральным пунктом» стало «рассмотрение вопроса о повышении Иваново-Вознесенскими торговцами цен на продукты первой необходимости». Выступавшие «обвиняли Городское управление в нежелании оказать помощь обывателю, несмотря на то что оно располагает достаточными

средствами... один из ораторов сделал заявление, что в то время как солдаты жертвуют жизнью, их семьи страдают не только от сознания лишения кормильцев, но также и от гнета дороговизны жизни». В итоге решили командировать председателя ИВСМП А. Г. Блинова во Владимир «для личного доклада г-ну Губернатору, прося указать, что считает цены на жизненные продукты вздутыми, а также сообщить желание собрания ввести более справедливую таксировку». Освещая это событие, «Ивановский листок» с удовлетворением констатировал, что ИВСМП «ярко определила свою позицию относительно аппетита своеобразных “патриотов” и стала на защиту насущных интересов бедного городского населения». Кроме того, на собрании «была также произнесена речь о необходимости оказания помощи Сербии и постановлено благодарить Его Высокопреосвященство Владимирского архиепископа Алексия за благословение, посланное Монархической партии»⁷².

Судя по всему, это было последнее партийное собрание в истории ИВСМП. Следующее собрание Комитет ИВСМП попытался организовать спустя семь (!) месяцев, пригласив через «Ивановский листок» членов партии «на совещание по неотложным текущим делам... во вторник сего 18-го августа в 8 час. вечера в здании Окружного суда»⁷³. Однако данное совещание, судя по отсутствию газетного отчета о нем, видимо, уже не состоялось. Имеются основания полагать, что после этого ИВСМП окончательно прекратила политическую деятельность.

Деятельность аффилированного с ИВСМП «Общества хоругвеносцев Покровского собора г. Иваново-Вознесенска», все члены которого входили в состав ИВСМП, а его «старшина» А. Г. Селивановский являлся даже товарищем председателя партии, затихла, вероятно, еще раньше. Уже в конце 1914 г. хоругвеносцы не смогли провести собрание из-за отсутствия кворума. Поэтому в январе 1915 г. собрание «для обсуждения текущих дел» было назначено в тот же день (18 января) и в том же помещении (здании Окружного суда), что и собрание ИВСМП, только на два часа раньше. А. Г. Селивановский через газету предупредил членов организации: «По истечении часа, в случае неприбытия законного количества членов, назначается второе [собрание], которое будет считаться состоявшимся» в любом случае⁷⁴. Скорее всего, это собрание так и не было проведено, поскольку никаких упоминаний о нем прессе не содержится. Правда, спустя три недели А. Г. Селивановский уведомлял «гг. членов Общества и жителей», что с 8 февраля 1915 г. «в течение всего Великого поста по воскресным дням в зале Окружного суда с 6 час. вечера будут вестись духовные беседы с туманными картинками»⁷⁵. Однако сведений о том, что эти «беседы» состоялись, также найти не удалось.

Из всех монархических организаций Владимирской губернии после начала войны только ШСРПЛ продолжал регулярно проводить партийные собрания: в 1914 г. состоялись 12, еще 2 — в Поддыбьевском отделе Союза⁷⁶. 14 декабря была отпразднована девятая годовщина создания ШСРПЛ. Торжество сопровождалось молебном, по окончании которого «хоругвь-знамя Союза было окроплено св[ятой] водой». После молебна, «водрузив знамя на свое место в Никольском храме, союзники прибыли в дом председателя Союза

М. К. Петрова, где состоялось собрание членов Союза, имеющих право голоса». На этом собрании был «дополнен список кандидатов в члены комитета», а также оглашены имена новых членов ШСРПЛ, в том числе почетных, среди которых значился и новый архиепископ Владимирский и Суздальский Алексей, удостоенный такой чести за то, что «взял на себя ходатайство перед Священным Синодом... чтобы хоругвь-знамя Шуйского союза поставлено было в храме на видном месте и участвовало бы в крестных ходах». Собравшиеся отмечали: «[При Алексии] исчезла былая вражда к Союзу со стороны духовенства, которое теперь признает Союз за полезное учреждение»⁷⁷. В ответ на свое избрание почетным членом ШСРПЛ Алексей заявил, что он «охотно приемлет на себя звание почетного члена Союза русских православных людей в городе Шуе и призывает Божье благословение на деятельность Союза в духе исконных начал русской жизни: Самодержавия, Православия и Народности»⁷⁸.

Собрание ШСРПЛ, проведенное 3 января 1916 г., обсуждало лишь один вопрос — отношение к почетному члену ШСРПЛ, депутату Государственной думы и председателю Русского народного союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевичу, перешедшему, по мнению собравшихся, на антимонархические позиции (летом 1915 г. Пуришкевич фактически поддержал создание Прогрессивного блока в Думе, голосовал за кандидатуру кадета А. И. Шингарева в президиум Комиссии по военным и морским делам, осенью 1915 г. проигнорировал оба монархических совещания в Петрограде и Нижнем Новгороде и т. п.). Собрание постановило: «Владимира Митрофановича Пуришкевича за действия против идей союза... исключить из почетных членов Союза». 28 февраля того же года следующее собрание ШСРПЛ (судя по всему, ставшее последним собранием монархистов во Владимирской губернии) решило: «Предать гласности об исключении его [В. М. Пуришкевича] из Союза... что и просим напечатать в “Русском знамени”»⁷⁹. Упоминаний в прессе о собраниях ШСРПЛ после 28 февраля 1916 г. не найдено.

Имеются сведения об общем количестве собраний, проведенных Шуйским союзом за все годы его существования. Так, к 15 декабря 1913 г. их количество достигло 110⁸⁰. В следующем, 1914 г. было проведено еще 12 собраний. Протокол собрания от 3 января 1916 г. носил № 141⁸¹, следовательно, следующее собрание 28 февраля было уже 142-м. Таким образом, за период с января 1915 г. по февраль 1916 г. ШСРПЛ провел 22 собрания — приблизительно вдвое больше, чем в среднем за год. Однако вполне вероятно, что большинство из этих собраний проводилось лишь номинально и на них присутствовало весьма незначительное количество людей, так как ни местная, ни центральная пресса о них даже не упоминают.

К началу 1916 г. монархические партии переживали далеко не лучшие времена. Председатель ВДСРН А. И. Дубровин с горечью констатировал: «Развал идет гигантскими шагами. И вряд ли удастся что-либо предупредить или устранить»⁸². Травля со стороны оппозиции, развернувшей массированную пропагандистскую кампанию против черносотенцев, отсутствие поддержки с высоты престола, давление властей, призыв активистов в действующую армию, военные неудачи и нарастание экономических трудностей, связывавшиеся

с царским правительством, подтачивали политическое влияние правых. В начале 1916 г. Министерство внутренних дел решило проверить наличные силы монархистов. Сведения, присланные губернскими властями, были неутешительны. Численность правых партий в Российской империи, по сравнению с 1907 г., сократилась на порядок, едва составив 45 тыс. чел.⁸³ Владимирский губернатор определил количественный состав монархических организаций на подведомственной ему территории всего в 1664 чел.⁸⁴ (напомним, в 1907 г. эта цифра превышала 20 тыс.). В губернии официально прекратили свое существование монархические организации в Александровском, Судогодском, Суздальском и Переславль-Залесском уездах⁸⁵. К апрелю 1916 г. в Ковровском уезде из восьми действовавших отделов СРН⁸⁶ осталось только два⁸⁷. Но и там, где, по сведениям полиции, монархические организации еще существовали — в городах Владимире (обновленческий СРН), Шуе (ШСРПЛ), Иваново-Вознесенске (ИВСМП), Коврове, Муроме, Орехово-Зуеве и селах Эдемском, Ворше и Холуе (езде — ВДСРН)⁸⁸, — они практически бездействовали. Так в марте 1916 г. Иваново-Вознесенский полицмейстер сообщал: «В городе Иваново-Вознесенске в настоящее время функционирует Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, устав которой у председателя партии Бабанина нашелся лишь в одном экземпляре, который и представляю»⁸⁹. Однако, как говорилось выше, какими-либо действиями после августа 1915 г. ИВСМП не отметилась, исчезнув из информационного пространства Владимирской губернии.

Реликт правых — «Ивановский листок» — продолжал патриотическую работу. В сентябре 1916 г. газета опубликовала отрывок письма бывшего приказчика магазина председателя ИВСМП М. М. Бабанина «из австро-германского плена». В нем, в частности, сообщалось: «Спешу вас уведомить, что Куражева вижу очень редко, а Мужжавлева совсем не видим». Так как названные в письме лица в Иваново-Вознесенске торговали хлебом (Куражев) и мясом (Мужжавлев), то «Ивановский листок» сделал вывод: «У наших врагов хлеба очень мало, а мяса, видимо, и совсем нет»⁹⁰, полагая, что эти сведения должны поднять боевой дух населения, уставшего от тягот войны. Однако вести борьбу в одиночестве «Ивановский листок» уже не мог, и его публикации принимают все более аполитичный характер, что позволило газете просуществовать до весны 1917 г.

Таким образом, начало Первой мировой войны вызвало в среде владимирских монархистов патриотический подъем и даже воодушевление, следствием которого стало пробуждение правых организаций от того сна, в котором они пребывали в 1912–1914 гг. В первый год войны союзники продолжали организовывать духовно-нравственные чтения и отправлять верноподданные телеграммы. Они полностью поддержали сухой закон и пытались добиться от властей справедливого регулирования цен на товары первой необходимости. Однако основным направлением деятельности монархических организаций, в соответствии с принципом «священного единения», стало оказание помощи фронту, больным, раненым и увечным воинам, а также семьям мобилизованных. Союзники открыли в губернии госпиталь, организовали сбор денежных пожертвований на нужды войны, а также сбор для военнослужащих

теплых вещей, курительной бумаги, табака и т. п. Была предпринята попытка учредить в губернии приюты для сирот погибших воинов. Однако отсутствие денежных средств не позволило правым в деле оказания помощи фронту конкурировать с либеральными партиями, действовавшими в форматах Земгора и военно-промышленных комитетов и получавшими щедрое государственное финансирование.

Неудачи на фронте и социально-экономические трудности военного времени, связывавшиеся в общественном сознании с самодержавием, не способствовали популярности монархической идеологии. Ситуацию усугубляли разрушительная работа оппозиции, развернувшей массированную пропагандистскую кампанию против правых, действия правительства, все более дистанцировавшегося от защитников монархии, отсутствие в рядах губернских монархистов «интеллигентных сил», способных конкурировать с оппозиционными лидерами, а также уход многих правых активистов в действующую армию. Численность монархических партий начала резко сокращаться, многие местные отделы закрывались — из 30 действовавших в 1905–1914 гг. во Владимирской губернии правых организаций к марту 1916 г. осталось всего 9, и те большей частью продолжали существовать лишь на бумаге. К осени 1916 г. всякая политическая активность губернских правых прекратилась.

¹ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005.

² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.

³ Тарасов О. А. Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁴ Кирьянов Ю. И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. С. 32.

⁵ Иванов А. А.: 1) Последние защитники монархии. Фракция правых IV государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006; 2) Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; и др.

⁶ Иванов А. А. Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 519–559.

⁷ Лукьянов М. Н.: 1) Российская правая и начало Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 2 (29). С. 18–26; 2) Российские консерваторы, народное представительство и национальная мобилизация, июль 1914 — февраль 1917 г // Таврические чтения — 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф. СПб., 2016. С. 272–280.

⁸ Стогов Д. И.: 1) Нижегородское совещание монархистов (1915 г.) и проблема консолидации русских правых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-1 (9). С. 178–183; 2) Динамика численности правомонархических организаций России в Первую мировую войну // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7-1 (128). С. 39–42; и др.

⁹ Алексеев И. Е. Черная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001; Михайлова Е. М. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары, 2000; Стрелков А. Т. Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000; и др.

¹⁰ Рубанков К. С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 — февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2002.

- ¹¹ Подсчитано по: Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 442. Л. 90, 93; Д. 2916. Л. 20; Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 35; Владимирец. 1907. 5 сент. № 191; Русское знамя. 1908. 15 авг. № 184.
- ¹² ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 89. Л. 7 об., 12.
- ¹⁴ Ивановский листок. 1914. 3 июля. № 142.
- ¹⁵ Там же. 19 июля. № 155.
- ¹⁶ Старый Владимирец. 1914. 23 июля. № 160.
- ¹⁷ Там же. 20 июля. № 158.
- ¹⁸ Русское знамя. 1914. 14 авг. № 182.
- ¹⁹ Старый Владимирец. 1914. 20 июля. № 158.
- ²⁰ Там же. 23 июля. № 160.
- ²¹ Там же. 22 июля. № 159.
- ²² Там же. 30 июля. № 166.
- ²³ Русское знамя. 1914. 17 авг. № 184.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 7.
- ²⁶ Русское знамя. 1914. 11 февр. № 34.
- ²⁷ Сведений о новом уставе ШСРПЛ найти не удалось, но его председатель М. К. Петров в мае 1912 г., вступая на собраниях отделов, зачитывал «устав Союза» и пояснял «по одному все статьи подробно» (Русское знамя. 1912. 11 мая. № 105), что дает нам основания предполагать утверждение нового устава Союза весной 1912 г.
- ²⁸ Русское знамя. 1914. 21 дек. № 288.
- ²⁹ Там же. 17 авг. № 184.
- ³⁰ Там же. 19 нояб. № 262.
- ³¹ *Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920).* М.; СПб., 2011. С. 194.
- ³² Правые партии: документы и материалы: в 2 т. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 435.
- ³³ Школа при Владимирском отделе СРН официально была открыта 6 декабря 1907 г. (ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3734. Л. 2 об.). Изначально она размещалась в доме председателя отдела В. М. Карякина, а в сентябре 1910 г. получила собственное двухэтажное здание (Старый Владимирец. 1910. 14 сент. № 200).
- ³⁴ Старый Владимирец. 1914. 26 сент. № 212.
- ³⁵ Там же. 26 нояб. № 260.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 82. Л. 231.
- ³⁸ Старый Владимирец. 1915. 24 сент. № 205.
- ³⁹ ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 81. Л. 81.
- ⁴⁰ Там же. Д. 85. Л. 37.
- ⁴¹ Русское знамя. 1914. 25 окт. № 241.
- ⁴² Там же. 19 нояб. № 262.
- ⁴³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.
- ⁴⁴ Русское знамя. 1914. 19 ноября. № 262.
- ⁴⁵ Там же. 13 нояб. № 257.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 90. Л. 20.
- ⁴⁷ Русское знамя. 1913. 26 окт. № 241.
- ⁴⁸ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 37.
- ⁴⁹ Русское знамя. 1914. 5 окт. № 224.
- ⁵⁰ Там же. 21 дек. № 288.
- ⁵¹ Там же. 1915. 18 марта. № 63.
- ⁵² Там же. 1914. 28 окт. № 243.
- ⁵³ Там же. 1915. 19 марта. № 61.
- ⁵⁴ Ивановский листок. 1914. 19 авг. № 179.

- ⁵⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 18.
⁵⁶ Ивановский листок. 1914. 8 окт. № 219.
⁵⁷ Там же. 10 окт. № 221.
⁵⁸ Русское знамя. 1915. 22 мая. № 113.
⁵⁹ Там же. 1916. 11 февр. № 33.
⁶⁰ Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 281.
⁶¹ Русское знамя. 1916. 26 мая. № 116.
⁶² Там же. 1 июня. № 120.
⁶³ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 84.
⁶⁴ Русское знамя. 1914. 30 нояб. № 271.
⁶⁵ Старый Владимирец. 1914. 23 июля. № 160.
⁶⁶ Ивановский листок. 1915. 17 янв. № 12.
⁶⁷ Русское знамя. 1915. 4 янв. № 3.
⁶⁸ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция: воспоминания. Минск, 2004. С. 17.
⁶⁹ Русское знамя. 1915. 4 янв. № 3.
⁷⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 18.
⁷¹ Ивановский листок. 1915. 18 янв. № 13.
⁷² Там же. 21 янв. № 15.
⁷³ Там же. 15 авг. № 175.
⁷⁴ Там же. 17 янв. № 12.
⁷⁵ Там же. 7 февр. № 28.
⁷⁶ Русское знамя. 1914. 21 дек. № 288.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Там же. 1915. 18 янв. № 14.
⁷⁹ Там же. 1916. 16 марта. № 64.
⁸⁰ Там же. 1914. 11 февр. № 34.
⁸¹ Там же. 1916. 16 марта. № 64.
⁸² Правые партии. Т. 2. С. 538.
⁸³ *Кириянов Ю. И.* Численность и состав крайних правых партий в России... С. 34.
⁸⁴ Там же. С. 32.
⁸⁵ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 6–9.
⁸⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20; Русское знамя. 1906. 12 сент. № 227; Владимирский край. 1907. 9 янв. № 6; Владимирец. 1907. 17 апр. № 8; Владимирец. 1907. 23 июня. № 134; Русское знамя. 1907. 20 июня. № 132; Старый Владимирец. 1908. 1 окт. № 48; Русское знамя. 1908. 10 янв. № 8.
⁸⁷ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 82.
⁸⁸ Там же. Л. 10, 11, 25, 26, 35, 37, 82, 84.
⁸⁹ Там же. Л. 10.
⁹⁰ Ивановский листок. 1916. 27 сент. № 207.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Омелянчук И. В. Монархические организации Владимирской губернии в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 625–641.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.305>
УДК 94 (470)“1914/1917

Аннотация: Статья посвящена деятельности монархических организаций Владимирской губернии в годы Первой мировой войны. На территории Владимирской губернии в 1905–1914 гг. действовали

30 местных организаций Союза русского народа (СРН). Однако после окончания Первой русской революции активисты монархических организаций, посчитав свою миссию выполненной, стали покидать их ряды. Сыграли свою роль и внутренние раздоры в СРН. Начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем буквально пробудили монархические организации от летаргического сна, в котором они пребывали предыдущие два-три года. В полной мере эта тенденция проявилась и во Владимирской губернии. Основным направлением деятельности монархических организаций, в соответствии с принципом «священного единения», стало оказание помощи фронту, больным, раненым и увечным воинам, а также семьям мобилизованных. Однако нехватка денежных средств не позволила правым отличиться на этом поприще, в отличие от либеральных партий, сумевших приписать себе все успехи Земгора и военно-промышленных комитетов, обильно финансируемых государством. Со временем поражения на фронте, нарастающие социально-экономические трудности, массированная пропагандистская кампания против правых, развернутая оппозицией, ошибки правительства, не желающего в своей деятельности опираться на монархические союзы, а также уход многих партийных активистов на фронт привели к падению популярности монархической идеологии и резкому сокращению численности правых партий; их отделы закрывались или, продолжая формально существовать, прекращали всякую политическую деятельность. Осенью 1916 г. монархические организации Владимирской губернии окончательно сходят с политической сцены.

Ключевые слова: Владимирская губерния, монархисты, Первая мировая война, Союз русского народа, правые.

Сведения об авторе: Омелянчук И. В. — д-р ист. наук, проф., Владимирский государственный университет (Владимир, Россия); omeliyanchuk@mail.ru

Владимирский государственный университет, Россия, 600000, Владимир, ул. Горького, 87

FOR CITATION

Omeliyanchuk I. V. 'Monarchist Organizations of the Vladimir Province during the First World War', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 625–641.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.305>

Abstract: In the territory of the Vladimir province in 1905–1914 there were thirty local organizations of the "Union of the Russian People." However, after the end of the First Russian Revolution, activists of monarchist organizations, having considered their mission accomplished, began to leave the party. The beginning of the First World War and the patriotic movement that accompanied it literally awakened monarchist organizations from the "lethargic sleep" of the previous two to three 3 years. This tendency was fully manifested in the Vladimir province. The main activity of monarchist organizations, in accordance with the principle of "sacred unity," was to assist the front, help sick, wounded, and injured soldiers, and care for families of mobilized citizens. However, the lack of money did not allow them to compete with the liberal parties operating in the formats of Zemgor and Military-Industrial Committees, and who also received generous state funding. Failures at the front and the socio-economic difficulties of wartime, associated in the public consciousness with the autocracy, did not contribute to the popularity of monarchist ideology. The situation was aggravated by the destructive work of the opposition, which launched a massive propaganda campaign against the Right. The number of monarchists began to decline sharply, and many local departments were closed—of thirty right-wing organizations operating in 1905–1914 in the Vladimir province, only nine remained by March 1916. By the autumn of 1916, all political activity of the provincial Right had ceased.

Keywords: Vladimir Province, monarchists, First World War, Union of Russian People, right.

Author: Omeliyanchuk I. V. — Dr. Sci. in History, Professor, Vladimir State University (Vladimir, Russia); omeliyanchuk@mail.ru

Vladimir State University, 87, ul. Gorkogo, Vladimir, 600000, Russia

References:

- Alekseev I. E. *The black thousand in Kazan region* (Kazan, 2001). (In Russian)
- Ivanov A. A. 'Conservative parties', *Rossia v gody Pervoi mirovoi voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsialnye protsessy, politicheskii krizis* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Ivanov A. A. *The last defenders of the monarchy. The faction of the right in the IV Duma during the First World War* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Ivanov A. A. *The right in the Russian parliament: from crisis to collapse* (Moscow — St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Ivanov A. A. *Vladimir Purishkevich: Essays on biography of a right politician* (Moscow — St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Kiryianov Yu. I. 'The number and personnel of the far right parties in Russia (1905–1917): tendencies and causes of changes', *Otechestvennaia istoriia*, no. 5, 1999. (In Russian)
- Kiryianov Yu. I. *Right parties in Russia. 1911–1917* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Lukyianov M. N. 'Russian conservatives, parliament and national mobilization. July 1914 — February 1917', *Tavricheskie chteniia 2015. Aktualnye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost: mezhdunar. nauch. konf.* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Lukyianov M. N. 'The Russian right and the beginning of the First World War', *Vestnik Permskogo universiteta*, Ser. Istoriia, Iss. 2 (29), 2015. (In Russian)
- Mikhailova E. M. *The black thousand organizations in the Mid-Volga region* (Cheboksary, 2000). (In Russian)
- Right parties. Documents and materials*, vol. 2. 1911–1917 gg. (Moscow, 1998). (In Russian)
- Rubankov K. S. *The right-monarchist movement in Russian province. 1905 — February 1917 (on the materials of Vladimir and Kostroma regions)* [Candidate of History Dissertation] (Kostroma, 2002). (In Russian)
- Spiridovich A. I. *Great War and February Revolution: memoirs* (Minsk, 2004). (In Russian)
- Stepanov S. A. *Black thousand* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Stogov D. I. 'Number dynamics of the right-monarchists organizations in Russia during the First World War', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7-1 (128), 2012. (In Russian)
- Stogov D. I. 'The meeting of the monarchists in Nizhny Novgorod (1915) and the problem of consolidation of Russian right', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3-1 (9), 2011. (In Russian)
- Strelkov A. T. *The black thousand in Central Chernozem Region* (Kursk, 2000). (In Russian)
- Tarasov O. A. *The political activities of the Russian national-monarchist parties and organizations during the First World War* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1997). (In Russian)

Received: September 14, 2018

Accepted: May 16, 2019